

Лауреаты Международных премий мира Певец - гражданин

Недоброй воли и недоброй памяти покойный Джеймс Форрестол, банкир с Уолл-стрита и босс вооруженных сил США, был соучеником Поля Робсона по колледжу Рутгерс. Правда, и тогда в Рутгерсе они были разделены — негр Робсон в одиночестве сидел на скамейке «для цветных».

С тех пор прошло много лет, и бывшие соученики оказались не только на разных скамьях, но и в разных Америках: Форрестол — в Америке святых фашизма и смерти, Робсон — в Америке борцов за подлинную демократию и жизнь.

И вот в 1939 году, когда Робсон, побывавший в СССР, певший с бойцами интернациональных бригад у стен Мадрида, вернулся на родину, чтобы участвовать в борьбе своего народа за лучшее будущее, Джеймс Форрестол, маньяк наживы, публично уличенный в мошенничестве с подоходным налогом, сказал с нескрываемым раздражением: «Наш негр совсем свихнулся!».

Но не укоры совести, а страх потерять награбленное вызвал злобное шипение Форрестола и форрестолов. Ведь в то время, когда Форрестол в качестве президента и компаньона банка «Диллон-Рид и К°» в надежде на высокие дивиденды преданных военных времен с нежной финансовой заботой пестовал нацистскую военную машину, Робсон пел о мире и дружбе народов.

Как Форрестолу было не поморщиться при звуках песни «Болотные солдаты», воспевавшей немецких антифашистов? И вовсе не удивительно, что его передергивало от гневной реплики Робсона: «А Франко надо повесить». Воротили крупного бизнеса не только не собира-

лись вешать «Гаудильо», но даже и не думали всерьез ссориться с ним.

Американская действительность отравила юность и молодость певца. Но молодой задор снова вернулся к Робсону, когда он переживал вторую юность — юность борца. И этот молодой задор не только дал дыхание его новым песням, но и преобразил старые. Недаром его старая песня «Старик-река», жалоба старого негра, кончавшаяся словами безысходной тоски: «Лучше умереть, чем так жить», заканчивается по-иному: торжественной боевой клятвой: «Но теперь я смеюсь. До смерти я буду бороться за мир и свободу».

С тех пор прошло 10 лет. 10 лет мужественного исполнения Робсоном своего гражданского долга, своей боевой клятвы. Борьба за мир потребовала от него в годы войны с гитлеризмом упорной борьбы с форрестолом, продававшим ради прибылей свою родину и ее союзника — СССР. Робсон-оратор требовал открытия второго фронта. Робсон-певец пел песни Красной Армии, песни солдат мира.

Разъезжая с концертами по Западной Германии вскоре после Дня Победы, Робсон видел, что американское командование вовсе не собирается выполнять лицемерно подписанные американскими дипломатами Потсдамские решения. И потому Робсон пел там же, в Германии, «Песню болотных солдат». Робсон видел, как травил в Америке республиканских испанских беженцев, и потому в Вашингтоне он снова гневно подымал свой клич: «Франко надо повесить». Песни его не старели, потому что они были отражением животрепещущих проблем современности.

Военный министр Форрестол снаряжал гоминдановские войска. В ответ на это Робсон вздымал над Америкой походный гимн солдат Мао Цзе-дуна — «Вставай». Сказать, что Робсон — певец, значит сказать, слишком мало. Певец стал в нем только неотделимой частью Робсона — великого борца за мир.

Когда в апреле 1947 года, в месяц рождения Робсона, американская «демократия» в виде «подарка» запретила два его концерта, антифашисты Америки устроили своему любимому певцу торжественный праздник.

На этом необычном дне рождения Робсон пел особенно много. И вдруг из зала раздался возглас: «Побереги голос, Поль. Это наш голос!».

Голос Робсона принадлежит американскому народу. И именно его устами американский народ во время обсуждения законопроекта Мундта, обличив происки реакции, заявил сенатору Фергюсону, прозванному «нищейкой»: «Хотите знать, какой закон я хотел бы издать? Закон, по которому можно было бы раскрыть секретную деятельность банка «Диллон-Рид» и картелей, которые хотят добраться до арабской нефти ценой войны. Войны, которая заберет моего и вашего сына. Эдгар Гувер вносит в проскрипционные списки тех, кто борется за народ и гражданские права. Пусть он лучше внесет туда имена Форрестола и Дюпона. Они — реальная опасность фашизма».

Это было в 1948 году. С тех пор вот уже два года пытаются реакционеры Америки заглушить голос Робсона. Ку-клукс-клановцы пригрозили Робсону судом Линча, если он придет на юг. Робсон в тот же день выехал в большую поездку по южным штатам. Он пел свои песни мира на том самом клочке земли, где его отец-раб трудился в поте лица на плантатора. И, внимая его пес-

ням, рабы осознавали свою силу. Обединившись со своими белыми друзьями, они заставили ку-клукс-клан отступить.

Из 86 митингов-концертов Робсона властями Америки во время предвыборной кампании 1948 года было запрещено 82. И все-таки песни Робсона пробивались сквозь запреты. Он пел по пять раз в день, пел на улицах улиц, перекрывая своим мощным басом шум города.

Когда Робсон в 1949 году выехал в большое концертное турне за пределы Соединенных Штатов, он огненными словами клеймил Атлантический пакт — преступный сговор подлецов Америки с подлецами Европы. Управители заморских американских поместий, копируя хозяев, ополчались на голос глашатая мира. Так, например, когда почти все население главного города Ямайки собралось на ипподром, чтобы послушать Робсона, микрофон оказался испорченным. В Лондоне и в Стокгольме у Робсона украли ноты, в Осло запретили концерты и так далее в том же духе. Но, несмотря на это, крестьяне Ямайки, моряки Стокгольма и шотландские горняки услышали песни Робсона и правду о том, что творится в мире. Слушатели гордились им. А он гордился своими слушателями, в которых он постоянно видел своих единомышленников по борьбе за правое дело. По его собственным словам, он еще и еще раз убеждался, что «так же как нельзя остановить волны океана, нельзя остановить великое движение миллионов за мир».

Мы видели Робсона в Москве. Мы аплодировали его песням гнева и справедливости. Здесь, в Советском Союзе, в окружении людей, мечтающих о мире и преобразующих свою землю в чудесный цветущий сад, он был счастлив. Но вот однажды мы застали его хмурым. Оказалось, что он только что узнал, что губернатор

штата Коннектикут, в котором находится его дом, посоветовал ему не возвращаться домой, так как он-де опозорил население своего штата. И вдруг лицо Робсона преобразила лукавая улыбка. «Я привезу губернатору из Москвы чудесный сюрприз. Слушайте...».

Он подошел к роялю и тихонько напел:

Наши нивы цветут,
Мы отстояли весну.

Это была песня Шостаковича из фильма «Встреча на Эльбе». Потом — и в Москве и в Америке — он пел ее во весь голос. Она стала самой ударной песней его репертуара, так как говорила о том, что было сейчас самым главным в его жизни, — о неодолимости движения, знаменосцем которого является Сталин:

Наши силы растут.
Мир победит войну...

И уверенности в том, что это будет так, только так, не смогли поколебать ни сорок полицейских и сыщиков, встретивших возвращающегося Робсона на аэродроме, ни происки комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности», ни гангстеры из «американского легиона», запавшие, как предвестники суда Линча, двенадцатифутовый крест на холме Никсвила. На победном концерте в Никсвиле, под защитой вставших плечом к плечу по поясу в высокой траве 1 500 белых и черных храбрецов, обуздавших линчевателей, песня прозвучала как никогда призывно, как никогда торжествующе.

Робсон здравствует, поет, борется и побеждает.

Посланцы 80 стран на Конгрессе в Варшаве постановили присудить певцу Полю Робсону премию за его «Песни мира». Поля Робсона, великого певца и великого борца за счастье людей, чествует вся его многомиллионная аудитория.

В. ГОРОХОВ.